

СЕРИЯ 3. МОСКВА В ОГНЕ

СЦЕНА 1. МОСКВА. ХРАМ НИКИТЫ МУЧЕНИКА НА ШВИВОЙ ГОРКЕ.

Через 2 дня – 31-е октября 1917-го года.

К ограде храма СОЛДАТЫ в папахах, шинелях с красными повязками на рукавах подкатывают две гаубицы. Прикладами стучат в запертые на засов ворота. Многие изрядно пьяны. За оградой появляется старый СТОРОЖ.

Ворота храма Никиты Мученика на Швивой горке в Москве.

СТОРОЖ. *Чего безобразите! Здесь храм Божий! А вы содом с гоморрой творите! ПЬЯНЫЙ СОЛДАТ-НАВОДЧИК. А мы и прибыли Богу помолиться. Отвори, дед, православным христианам! А не то в огне адском гореть будешь! Отвори!*

СТОРОЖ. *Не могу я вас пущать. Пойду доложу отцу Владимиру.*

ПЬЯНЫЙ СОЛДАТ-НАВОДЧИК. *Иди-иди, старый хрен. Мы и без твоих отцов управимся. Братцы, ломай ворота! Айда!*

Солдаты бьют прикладами и выламывают ворота. Начинают закатывать пушки. К храму подъезжает грузовик, из кабины выпрыгивает ВОЛКОВ.

СЦЕНА 2. МОСКВА. УЛИЦА ОСТОЖЕНКА. Тот же день.

Остоженка перегорожена окопами с земляными брустверами. Вниз по улице – юнкера, вверх – красногвардейцы. Вдоль юнкерских окопов пробегает рыжая собачка, останавливается у тумбы, обнюхивает, бежит дальше. Вдруг она поднимает голову и вслушивается.

1-й ЮНКЕР (смотрит на собачку и обращается к соседу). *Володя, гляди...*

2-й ЮНКЕР. *Что такое?*

1-й ЮНКЕР (указывая на собачку). *Вон псинка, гляди!*

2-й ЮНКЕР. *Ну и что? Псинка как псинка, рыжая...*

1-й ЮНКЕР. *Да ты видишь, как она насторожилась. Что-то почуяла. Боюсь, что опять тяжёлые бабахнут... Не люблю я тяжёлые орудия...*

2-й ЮНКЕР (с усмешкой). *А я никакие не люблю.*

В соседнем переулке раздаётся визг другой собаки. Рыжая подпрыгивает и с отчаянным лаем несётся к ней.

1-й ЮНКЕР (смеётся, указывая на убегающую собачку). *Вот тебе и обстрел! Плевать она хотела на нашу войну. У неё – любовь!*

Юнкера хохочут.

СЦЕНА 3. ХРАМ НИКИТЫ МУЧЕНИКА НА ШВИВОЙ ГОРКЕ.

К храму подъезжает ещё один грузовик. Из него высыпают солдаты, разгружают ящики со снарядами. Из кабины выходит АСТРОНОМ, принявший вид профессора-астронома ПАВЛА КАРЛОВИЧА ШТЕРНБЕРГА: чёрные взлохмаченные волосы, густая чёрная борода, пенсне на цепочке. Он в чёрном пальто, поверх которого висит бинокль. За ним вылезает долговязый рыжий немец в сером пальто – ГЮНТЕР КРАМЕР. Входят за ограду.

Храм Никиты Мученика на Швивой горке.

ПЬЯНЫЙ СОЛДАТ-НАВОДЧИК, стоя у орудий, громко поёт:

*Солдатушки, бравы ребятушки
Кто же ваши жёны?
Наши жёны – пушки заряжены,
Вот кто наши жёны!¹*

АСТРОНОМ-ШТЕРНБЕРГ. *Кто здесь главный?*

ВОЛКОВ (подходя к нему). *Уполномоченный ВРК Волков.*

АСТРОНОМ-ШТЕРНБЕРГ (протягивает и жмёт руку Волкову). *Профессор Павел Карлович Штернберг, астроном. Послан вам в помощь. Постреляем по белокаменной? Я снаряды привез. Хватит на пол-Москвы!*

¹ Строевая песня.

Павел Карлович ШТЕРНБЕРГ (1865–1920) – профессор-астроном, большевик, руководивший обстрелом Кремля.
 Партийные псевдонимы: Эрот, Лунный.

ВОЛКОВ. *Снаряды – это, конечно, хорошо. Только товарищи из артиллерийских мастерских говорят, что у них чего-то не хватает.*

АСТРОНОМ-ШТЕРНБЕРГ. *Что-нибудь придумаем.*

(Указывает на немца.)

Я и специалиста привёз.

КРАМЕР (протягивает и пожимает руку Волкову; говорит с заметным акцентом).

Гюнтер Кремер, артиллерии майор.

АСТРОНОМ-ШТЕРНБЕРГ. *Так чего, товарищ, у вас не хватает?*

ВОЛКОВ. *Угломеры и панорамы куда-то запропастились...*

АСТРОНОМ-ШТЕРНБЕРГ. *Ничего себе! Запропастились!*

КРЕМЕР. *А я не удивляюсь – русский орднунг. Гут, будем делать на глазок, как у вас говорят.*

АСТРОНОМ-ШТЕРНБЕРГ. *Да, придётся наводку производить через дула орудий.*

Прицельность, конечно, не гарантирована, но ничего – Кремль большой, куда-нибудь да попадем.

Пьяный солдат-наводчик подходит к ним, стоит, опершись на винтовку, пристально смотрит на Астронома и Кремера. Тихо напевает:

Наши жёны – пушки заряжены,

Вот кто наши жёны!..

СЦЕНА 4. УЛИЦА ОСТОЖЕНКА.

Стрельбы нет, затишье. В сквере сбоку от окопов юнкеров развёрнуто нечто вроде полевого госпиталя. На широком брезенте лежат раненые – и белые и красные. Их перевязывают, поят водой монашенки из Зачатьевского монастыря, среди них **ВАРВАРА** (все – с повязками красного креста на рукавах). Рядом крутится **ПАВЛИК**. Руководит санитарным отрядом **ЕПИСКОП НЕСТОР**. Он (тоже с повязкой и наперсным крестом на Георгиевской ленте) перевязывает юнкера. Неподалёку надрывно кричит раненый солдат.

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Варварушка, иди перевяжи вон того солдатика, уж больно мается.*

ВАРВАРА. *К нему и не подойдешь: такой страшный, грязный...*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *А Иисус Христос, распятый на кресте, чистый был?*

ВАРВАРА. *Так то – Христос... А этот только что в наших стрелял.*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Исаак Сириянин говорил, что милосердие есть печаль, возбуждаемая благодатью, и ко всем сострадательно преклоняется. Кто достоин зла, тому не воздастся злом, и кто достоин добра, того преисполняет с избытком. Вот так!.. Иди-иди, Варварушка, и преисполняйся добром с избытком.*

ПАВЛИК. *Я, я его перевяжу! Я умею!*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *А ты, отрок, шёл бы домой от греха. Нечего тебе здесь делать.*

ПАВЛИК. *Как это – нечего! Я – за свободу! Я здесь её защищаю!*

К Павлику подбегает рыжая собачка, трётся о ногу; он её гладит.

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Свобода может быть только в Царствии небесном. А здесь мы за родину свою стоим. Мы – санитары.*

(Указывает на повязку с красным крестом.)

Мы боремся с проказой, заразившей нашу Россию... А ты всё-таки домой беги, Павлуша. Там уж, небось, извелись все.

(Преувеличенно торжественно благословляет Павлика.)

Благословляю раба Божиего Павла на праведный путь домой.

Начинается оглушительная стрельба, пули шлёпаются о стены домов совсем рядом с «госпиталем». Собачка с лаем бежит прочь.

ЕПИСКОП НЕСТОР (расставляя в стороны руки, как бы пытаясь охватить и прикрыть всех). *Всем – на землю, быстро! Господи, спаси и сохрани!*

Улица Остоженка в Москве, октябрь 1917-го года.

СЦЕНА 5. ХРАМ НИКИТЫ МУЧЕНИКА НА ШВИВОЙ ГОРКЕ.

Около гаубиц стоит, напевая, ПЬЯНЫЙ СОЛДАТ-НАВОДЧИК:

*Наши жёны – пушки заряжены,
Вот кто наши жёны!*

К храму подъезжает и останавливается мотоцикл. С него соскакивает и подбегает к АСТРОНОМУ студент МАРК ЛЕВИЦКИЙ (в кожаной куртке, мотоциклетных очках).

ЛЕВИЦКИЙ (снимает очки, достаёт из кармана телеграфную ленту, протягивает её Астроному). *Вам срочная телеграмма! Из Смольного!*

АСТРОНОМ-ШТЕРНБЕРГ (просматривает телеграмму, потом обращается к окружающим). *Послушайте, товарищи, что пишет Владимир Ильич Ленин.*

(Читает вслух.)

«Удивлен и встревожен замедлением операции, особенно если верно сообщенное мне, что вы имеете полную возможность артиллерией уничтожить противника. По-моему, нельзя жалеть города и откладывать дольше, ибо необходимо беспощадное истребление врага».

(Прячет телеграмму в карман.)

Товарищи, покажем себя непреклонными борцами за народное дело! Истребим врага!

ВОЛКОВ (в смущении). *Истребим?.. Ведь говорили, что просто попугаем юнкеров...*

Там же Кремль, произведения искусства, которые должны принадлежать народу...

АСТРОНОМ-ШТЕРНБЕРГ (цитирует Ленина). *Неужели вы не понимаете, Волков, что преступно придавать значение тому или другому зданию, когда дело идет об открытии дверей перед таким общественным строем, который способен создать красоту, безмерно превосходящую всё, о чём могли только мечтать в прошлом?*

ВОЛКОВ. *И всё-таки, это Кремль... наша история...*

АСТРОНОМ-ШТЕРНБЕРГ. *Это – царская история, а не наша. История кровопийц. Мы создадим свою историю – новую, коммунистическую!*

(Смотрит на Волкова змеиным взглядом.)

Так вы с нами, товарищ Волков, или с какими-нибудь меньшевиками? Может, будете вместе с ними носом хлюпать?

ВОЛКОВ (после некоторой паузы). *Я... с вами...*

СЦЕНА 6. УЛИЦА ОСТОЖЕНКА. ОКОПЫ КРАСНЫХ.

Баррикада большевиков на Остоженке.

Идёт планомерная перестрелка между юнкерскими и красными окопами. Невдалеке – сквер, где развернул свой полевой госпиталь епископ Нестор. В окопах красных – солдаты 193-го полка. Им подносят патроны местные мальчишки. К одному из солдат подходит мальчик лет четырнадцати, в картузе, круглолицый, уши оттопырены – ПАШКА АНДРЕЕВ.

Пашка АНДРЕЕВ (1903–19017) .

ПАШКА. *Дядь, а дядь, дай стрёльну. Я меткий!*

1-й СОЛДАТ. *Уйди отсюда, Пашка, стрелялка у ты ещё не выросла.*

2-й СОЛДАТ. *А чё ты пацана гонишь, Савелий? Вон, руки аж заковенели. Пойдём, погреемся в подъезд, а малец пусть здесь постреляет абы куды. Лишь бы юнкерью остратка была.*

1-й СОЛДАТ. *А и вправду... Морозина, аж кости скрыпят. Слышь, Пашка, мы отойдём на чуток обогреться, а ты тут пощёлкой маленько: то с его стороны, то с моей. Будто нас много. Смогёшь?*

ПАШКА. *Смогу, дядя солдат, смогу!*

Солдаты уходят, а Пашка стреляет, перебегая от винтовки к винтовке.

СЦЕНА 7. ХРАМ НИКИТЫ МУЧЕНИКА НА ШВИВОЙ ГОРКЕ.

Около гаубиц суетятся солдаты, ими командуют КРАМЕР и АСТРОНОМ-ШТЕРНБЕРГ. К Астроному подходит ПЬЯНЫЙ СОЛДАТ-НАВОДЧИК.

ПЬЯНЫЙ СОЛДАТ-НАВОДЧИК (Астроному, прищурившись). *А ты, мил человек, не из жидов, случаем, будешь?*

АСТРОНОМ-ШТЕРНБЕРГ. *Нет, мои родители когда-то приехали из Германии, давно обрусели. Но дело не в национальностях...*

ПЬЯНЫЙ СОЛДАТ-НАВОДЧИК (перебивая его). *Ещё хуже! Ерманец!*

(Указывает на Кремера.)

И вон ентот, видать, туды же. Хороша компашка – Егорка да Сашка!

АСТРОНОМ-ШТЕРНБЕРГ. *Вы поймите, товарищ, что нет ни русских, ни немцев, ни евреев, ни папуасов. Есть рабочие и буржуи. Вот в чём вся соль!*

ПЬЯНЫЙ СОЛДАТ-НАВОДЧИК. *Папуасов тех, может, и нету. А вот жида – они есть!*

КРЕМЕР. *Солдат пьян! Как наводить будет? Опять – русский орднунг.*

АСТРОНОМ-ШТЕРНБЕРГ (наводчику). *Прекратите, товарищ, шовинистические разговоры. Наш лозунг – интернационализм всемирного рабочего класса. Так говорит товарищ Ленин.*

ПЬЯНЫЙ СОЛДАТ-НАВОДЧИК. *Ну и пуцай себе твой Ленкин говорить, коли язык у его трепетя. Все мы ленкины, манькины да клавкины... Все оттудова появились... Ну и чё?*

К нему подходит 2-й ПЬЯНЫЙ СОЛДАТ.

2-й ПЬЯНЫЙ СОЛДАТ (наводчику, хватая его за плечо). *Кончай, братуха, оставь их. Пойдём, стрёльнем, опосля – выпьем, а ещё опосля...*

ПЬЯНЫЙ СОЛДАТ-НАВОДЧИК (перебивая 2-го солдата и стряхивая его руку со своего плеча). *Уйди, Тишка, тут дела сурьезные! Момент политический! А ты – стрельнем... выпьем... Я с ерманцем три года билси, кровушку свою безсменно проливал, в окопах гнил! А теперя он на наш Кремь сику тянеть!*

(Берёт винтовку наперевес.)

Не допушшу!!!

Астроном спокойно достает из-за пазухи наган и в упор стреляет в наводчика. Тот падает.

АСТРОНОМ-ШТЕРНБЕРГ (солдатам). *Уберите этого провокатора, и будем начинать.*

Дмитриевский В.К., Евстигнеев И.В.
«П.К. Штернберг руководит обстрелом Кремля в 1917 году».

Эта картина по сей день висит в Государственном астрономическом институте МГУ, который по сей день носит имя разстрельщика Кремля Штернберга.

СЦЕНА 8. УЛИЦА ОСТОЖЕНКА. СКВЕР.

ЕПИСКОП НЕСТОР перевязывает солдата; ПАВЛИК помогает.

ПАВЛИК. *А я вот не хочу быть священником.*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Это почему же?*

ПАВЛИК. *У вас у всех бороды растут, а я хочу только усы. Как у Глеба. Хочу гусаром быть... Или мореплавателем, как Колумб. Или просто в дальние страны, как Миклухо-Маклай. В Новую Гвинею!*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Эк хватил – в Новую Гвинею! Ты вот лучше ко мне на Камчатку приезжай. Куда дальше? И носи там себе усы сколько заблагорассудится. Хотя в бороде вроде как теплее... Только доучись сперва.*

ПАВЛИК (задумчиво). *Или на Камчатку...*

СЦЕНА 9. ХРАМ НИКИТЫ МУЧЕНИКА НА ШВИВОЙ ГОРКЕ.

Солдаты готовятся к стрельбе, подтаскивают ящики со снарядами. АСТРОНОМ-ШТЕРНБЕРГ и КРЕМЕР наводят орудия. Рядом с ними МАРК ЛЕВИЦКИЙ, чуть в стороне ВОЛКОВ.

Вид на Кремль со Швивой горки.

КРЕМЕР. *Место хорошо выбрали, Кремль хорошо виден.*

ЛЕВИЦКИЙ. *Вон – Спасские ворота и башня с часами, а вон – Василий Блаженный...*

АСТРОНОМ-ШТЕРНБЕРГ. *Для нас важнее другой объект – Малый Николаевский дворец.*

(Указывает рукой.)

Там разместился полковник Рябцев со своим штабом. С него и начнём.

(Солдатам.)

Шрапнелью по Кремлю... пли!

Звучит оглушительный выстрел. Сыплются стекла, иконы внутри и снаружи храма Никиты Мученика.

КРЕМЕР (смотрит в бинокль). *Промах!..*

АСТРОНОМ-ШТЕРНБЕРГ (тоже смотрит в бинокль). *Не беда... Зато, смотрите, юнкера, как горох, с площади рассыпались. К дворцу грузовик подъехал – штаб Рябцева бежит.*

Со Спасской башни юнкера отвечают миномётным огнём.

ЛЕВИЦКИЙ. *Ещё огрызаются!*

АСТРОНОМ-ШТЕРНБЕРГ. *Ерунда, это так, плевалки, миномёты. А вот мы сейчас как следует ударим.*

(Солдатам у орудий.)

По Спасской башне... пли!

Выстрел. Миномёты замолкают.

КРЕМЕР (смотрит в бинокль). *Пробоина в башне! Научились наводить! Давайте ещё!*
АСТРОНОМ-ШТЕРНБЕРГ. *По Спасской башне... пли!*

(Выстрел; Астроном смотрит в бинокль).

В куранты! Всё кончено! Никогда уже им не играть «Коль славен Господь...»!..

(Откашливаясь.)

Не очень-то он и славен.

Даётся далёкая панорама Кремля в дыму.

Слева: 48-линейная (122-миллиметровая) облегченная полевая гаубица образца 1909 г. Такие орудия били по Кремлю от церкви Никиты Мученика.

Справа: миномёт ФР у кремлевской стены. Рядом – такой же миномёт в Центральном музее Вооруженных Сил. Юнкерам нечем было ответить на пальбу красной тяжёлой артиллерии. В Кремле было лишь несколько 57-миллиметровых окопных миномётов ФР. За очень малую дальность, не превышавшую 350 метров, красногвардейцы презрительно называли их «плевалками».

СЦЕНА 10. УЛИЦА ОСТОЖЕНКА.

ПАШКА АНДРЕЕВ пытается выстрелить из винтовки, роняет ее по другую сторону бруствера.

ПАШКА. *Ух, ты!.. Ничё, достану!*

Лезет через бруствер за винтовкой. На движение реагирует пулеметный расчёт юнкеров. Длинная очередь. Пашка падает замертво. Подбегают солдаты, гревшиеся в подьезде.

1-й СОЛДАТ (нагибается, трясёт тело Пашки). *Пашка, ты чего?*
(Распрямляется.)

Ах ты ж, гады, детёнка подбили!

Грозит кулаком в сторону юнкеров, хватается за винтовку, стреляет.

2-й СОЛДАТ (сплёвывает). *Получай, суки!*

2-й солдат вскидывает винтовку, стреляет. Из окопов красных открывают отчаянную стрельбу по юнкерам. Пули свистят здесь и там. Весь отряд епископа лежит на брезенте, вперемежку с ранеными. Вдруг где-то рядом раздаётся душераздирающий собачий визг.

Улица Остоженка в октябре 1917-го года.

ПАВЛИК (вскакивает). *Рыжую собачку убили! Она здесь бегала! Это её голос!*

Одна из пуль отскакивает от угла здания и попадает в висок Павлику. Он падает. Подбегают ЕПИСКОП, ВАРВАРА, МОНАХИНЯ. Павлик лежит неподвижно. По виску течёт струйка крови. Варвара без чувств опускается на руки монахини. Епископ берёт тело Павлика на руки, накрывает крестом и во весь рост медленно идёт под ружейным и пулемётным огнём. На глазах слёзы.

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Господи всемилостивый, Ты всё видишь... Прими же невинную душу сию в небесное Царствие Твое.*

СЦЕНА 11. БОЛЬШАЯ НИКИТСКАЯ УЛИЦА.

Ночь с 1-го на 2-е ноября 1917-го года.

Пылают разбитые газовые фонари. Они освещают липы с перебитыми ветками, порванные провода, убитую лошадь на трамвайных рельсах. Со стороны Тверской к Никитским воротам идут отряды красногвардейцев, многие курят. Доносится гром оркестров:

*Никто не даст нам избавленья,
Ни Бог, ни царь и не герой.
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.²*

Отряды подходят к электротeatру «Унион». У стены в две шеренги выстроились пришибленные, изможденные студенты и юнкера в измятых фуражках, серых от извести шинелях. К фонарному столбу привязан белый флаг. В первой шеренге стоят СЕРГЕЙ БЕЗДЕТНЫЙ и ФЁДОР. От отряда красногвардейцев отделяются несколько человек в

²Международный пролетарский гимн «Интернационал».

кожаных куртках. Среди них – МАРК ЛЕВИЦКИЙ (поверх куртки португеза со свисающей кобурой). «Кожаные» идут к юнкерам. Левицкий замечает Сергея и Фёдора.

МАРК (подходя к Сергею). *Что, допрыгался, демократ?*

СЕРГЕЙ. *Иди ты, Левицкий, на...*

МАРК (Фёдору, ухмыляясь). *Архангельский, ты же монархистом был. Тебе-то что здесь делать? Керенского защищать?*

ФЁДОР. *Отстань, Марик.*

МАРК. *Замечательный союз: демократы и монархисты! Единый антиреволюционный фронт! Но теперь ваша песенка спета!*

(Ухмыляется и поглаживает кобуру.)

Ладно, мы ещё посмотрим, что с вами делать...

Левицкий отходит, направляясь дальше вдоль шеренги юнкеров.

Никитские ворота после боёв.

СЦЕНА 12. БОЛЬШАЯ НИКИТСКАЯ УЛИЦА.

У стены «Униона» всё так же стоят две шеренги юнкеров и студентов. Сзади на плечо ФЁДОРА опускается женская рука в перчатке. Он оборачивается и видит СОФЬЮ, прижимающую палец к губам. Она в изящном коротком пальто, на голове шляпка.

ФЁДОР. *Софья! Как ты сюда попала? Вы же были ранены.*

СОФЬЯ (шепчет). *Ножками, студент, ножками мы сюда попали. А рана зажила. Так, царапнуло... Не крутись, студент, стой смирно. Удирать надо. Перережут вас здесь как цыплят. Бежим, только осторожненько, отходи во второй ряд.*

ФЁДОР (указывая на красногвардейцев). *Вон их сколько... Куда бежать?*

СОФЬЯ. *Да куда угодно. Вон – за угол и вниз по Никитскому. Они же по Тверскому идут.*

ФЁДОР (Сергею). *Серёжа, бежим?*

СЕРГЕЙ. *Вот ты на мою голову свалился, Архангельский!.. Ну ладно, куда ты без меня.*
(Отходит во вторую шеренгу, за ним отступает Фёдор.)

СОФЬЯ. *Только снимите фуражки и поставьте винтовки к стене, а то в вас за версту контрреволюционеров видно.*

СЕРГЕЙ. *Нет, оружие я им не оставляю. Давайте ходу! А я как раз и прикрою.*

Фёдор прислоняет к стене винтовку и вместе с Софьей медленно заворачивает за угол. Сергей – сзади. Один из красногвардейцев указывает на них и кричит.

КРАСНОГВАРДЕЕЦ. *Братцы, юнкера драпают. Лови их!*

К красногвардейцу подбегает Левицкий, на ходу вытаскивая из кобуры наган. Они пускаются в погоню. Сергей останавливается и стреляет. Левицкий стреляет в ответ. Сергей падает. Левицкий делает несколько выстрелов в сторону бегущих Фёдора и Софьи.

ФЁДОР (Софье). *Беги!*

Софья бежит дальше. Фёдор выхватывает из-за пазухи браунинг, подаренный Глебом, стреляет. Красногвардеец вскрикивает, хватается за плечо и останавливается. Фёдор продолжает стрелять. Левицкий отскакивает в нишу подъезда. Фёдор устремляется по Никитскому бульвару. Из подворотни высовывается рука и хватает его за шинель.

ГОЛОС СОФЬИ. *Сюда, студент, сюда, скорей!*

Фёдор и Софья скрываются в подворотне.

Никитские ворота после боёв.

СЦЕНА 13. КВАРТИРА ОТЦА ПЕТРА. Утро 2-го ноября 1917-го года.

Во всей квартире глубокая тишина. Только едва позвякивают столовые приборы, которые механически протирает на кухне АГАФЬЯ. Камера переходит с комнаты на комнату. В одной – на кровати неподвижно лежит на животе ВАРВАРА. В другой – у киота молится ЕПИСКОП НЕСТОР. В столовой спиной к двери сидит, как окаменевший, ОТЕЦ ПЁТР, губы беззвучно шепчут молитву. На столе перед ним нетронутый стакан чая в подстаканнике. Раздается звонок в дверь. Никакого движения. Звонок повторяется и звучит

уже непрерывно. Наконец слышатся тяжёлые шаги и появляется АГАФЬЯ, направляющаяся в прихожую. Она открывает дверь. Входит ФЁДОР в изодранной студенческой куртке, без фуражки. За ним – СОФЬЯ, она слегка прихрамывает, на щеке ссадина, пальто запершено извёсткой.

ФЁДОР. *Вот мы наконец и добрались. Ну здравствуй, Агафьюшка, принимай гостей.*

АГАФЬЯ (вздыхая). *Хоть ты, Федóрушка, нашёлся... живой.*

ФЁДОР. *Что стрялось?*

АГАФЬЯ (утирая рукавом слезу). *Стрялось... Иди, там батюшка, в столовой.*

(Софье, оглядывая её.)

А ты, девка, пойдём со мной. Помоешься, почистишься.

Агафья и Софья направляются в комнату Агафьи, Фёдор входит в гостиную.

ФЁДОР. *Здравствуйте, батюшка!*

(Отец Пётр вздрагивает и оборачивается).

Батюшка, что случилось?

ОТЕЦ ПЁТР. *Федя... Федя!*

ФЁДОР. *Да объясните же, наконец, что произошло.*

ОТЕЦ ПЁТР. *Павлик...*

ФЁДОР. *Что Павлик? Где он? Я же его домой отправил...*

(В ужасе.)

Неужели большевик не довёз?..

Дверь открывается и входит ЕПИСКОП НЕСТОР, крестит Фёдора.

Малый Николаевский дворец Московского кремля после обстрела (уничтожен).
Справа – Вознесенский монастырь (уничтожен).

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Держись, Фёдор. В царствие Божие идёт наш Павлуша. Шальная пуля... На моих глазах... На моих глазах... И там же убило другого Павлика – из рабочей слободы. Убивают молодую Россию!..*

Фёдор опускается на стул и обхватывает голову руками.

ОТЕЦ ПЁТР (в слезах). *И Глеб пропал... И Аннушка ушла... Всё исчезает... Это за мои грехи тяжкие... за мои грехи!*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Да, отец Пётр, многолько накопилось у нас грехов. И теперь последний час наступает, чтобы их искупить. Павлушу, душу его безгрешную, спасёт Господь всемилостивейший...*

(Пауза.)

Он хотел поехать со мной... на Камчатку... Царствие небесное!..

(Пауза.)

А нам надо Россию спасти от дьяволова нашествия.

ФЁДОР (поднимая голову). *Как?*

Церковь Константина и Елены (уничтожена),
Беклемишевская башня Кремля после обстрела.

СЦЕНА 14. ЗДАНИЕ МОССОВЕТА НА ТВЕРСКОЙ УЛИЦЕ.

Следующий день – 3-е ноября 1917-го года.

Утро. В отдельной внутренней комнате у аппарата с телефонной трубкой в руке стоит АСТРОНОМ в кожаной куртке, сапогах, на португале сзади кобура. Он снова принял облик Млечина – эмиссара Ленина.

АСТРОНОМ. *Здравствуйте, Владимир Ильич.*

Камера переносится из Моссовета в Смольный (и обратно). Кабинет в Смольном, ЛЕНИН сидит у телефона. Фоном звучит Аппассионата.

ЛЕНИН. *Здравствуйте, здравствуйте, дорогой Астроном! Я всё уже знаю. Замечательно! Великолепно! Поздравляю! Отрубили головы контрреволюционной гидре!*

АСТРОНОМ. *Да, дорогой Владимир Ильич, огнём и мечом мы установили Советскую власть в Москве. Я приказал артиллерии бить по Кремлю, по церквям и попам. Так мы мстили за все страдания народные. Мы могли остановить гнев мести, однако не делали этого, потому что наш лозунг – быть безпощадными! Революционная власть в лице Военно-революционного Комитета работает энергично. Рябцев капитулировал. Ещё чуть-чуть подчистить надо: кое-где огрызаются.*

ЛЕНИН. *Архивеликоленно! Заканчивайте! И не церемониться с врагами революции. Сделать так, чтобы на сотни вёрст кругом народ видел, трепетал, знал, кричал: душат контрреволюционеров.*

АСТРОНОМ (ухмыляясь). *Совершенно с вами согласен, Владимир Ильич. Сейчас сам еду к Кремлю. Прослежу, чтобы там не расслаблялись и не либеральничали.*

ЛЕНИН. *Уж вы проследите, проследите, дорогой, со всем революционным рвением. Жму вашу руку.*

АСТРОНОМ. *До встречи, Владимир Ильич.*

Астроном кладёт трубку, поправляет кобуру, выходит из комнаты.

СЦЕНА 15. НИКОЛЬСКИЕ ВОРОТА МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ.

Утро. Через Никольские ворота между шеренгами солдат и красногвардейцев, выстроившихся с двух сторон, тянется из Кремля длинная цепочка понурых юнкеров. В их рядах идут генерал ШАШКОВСКИЙ, СОКОЛОВ, ГЛЕБ, ИГНАТ. Подъезжает лимузин, из него появляется АСТРОНОМ. Некоторое время он стоит, скрестив руки на груди, смотрит на выходящих из Кремля. Потом обращается к командиру красногвардейцев, подошедшему к нему.

Спасская башня с остановившимися после обстрела курантами.

АСТРОНОМ (указывая на Шашковского и Глеба). *Вот этих двоих – ко мне в сопровождении солдат понадежнее.*

Командир вызывает солдат, те выдёргивают Шашковского и Глеба. За Глебом рвётся Соколов, один из солдат отпихивает его ударом приклада в грудь. В это время Игнат тихонько покидает цепочку юнкеров и смешивается с красногвардейцами. Конвойные солдаты ведут Шашковского и Глеба. Среди конвойных – РЯБОЙ САМОКАТЧИК, с которым Глеб разговаривал у Фанагорийских казарм.

РЯБОЙ (Глебу). *Что, вашбродь, признал? Вдругорядь встренулись. Мы с тобой навроде как ниточка с иголкой связаны.*

ГЛЕБ. Ты – иголка, конечно, а я – нитка? Ошибаешься, любезный: я сейчас связан только с Господом Богом. Ему решать...

РЯБОЙ. Ты, вашибродь, не гоноишься больно. Не плюй в колодец: пригодится воды напиться. А про Господа Бога я тоже кой чего знаю...

Шашковского и Глеба подводят к Астроному. Он несколько секунд со змеиной ухмылкой сморит на них, а потом кричит так, чтобы было слышно в рядах красногвардейцев.

АСТРОНОМ. Пламенные бойцы революции! Вы сломали сопротивление наймитов буржуев и помещиков! Вы завоевали себе свободу! Слава вам!

РЁВ КРАСНОГВАРДЕЙЦЕВ. Ура!!! Ура!!! Ура!!!

АСТРОНОМ (указывая на Шашковского и Глеба). Вот – убийцы ваших товарищей. Вот те, кто дерзнул поднять свою грязную руку на народ. Вам решать их судьбу.

ВЫКРИКИ КРАСНОГВАРДЕЙЦЕВ. Гады! Отдай их нам! Изничтожить! Кровопийцы! На куски разорвать! Убить! Разстрелять!

АСТРОНОМ (кричит). Будем считать это приговором революционного суда народа! Смерть врагам революции!

РЁВ КРАСНОГВАРДЕЙЦЕВ. Смерть!!!

К Астроному бросается молодой человек в штатском (по виду – клерк) – МИХАИЛ ШАШКОВСКИЙ, сын генерала.

МИХАИЛ ШАШКОВСКИЙ. Вы не смеете! Это мой отец! Он никогда никого пальцем не тронул! Он только учил солдат!

АСТРОНОМ. Чему учил? Контрреволюции?

(Обращаясь к командиру и указывая на Михаила.)

Этого змеёныша поставить к стенке третьим. Выполнять!

Командир и конвойные уводят Глеба, отца и сына Шашковских в Александровский сад.

Итальянский грот («Руины») в Александровском саду.

СЦЕНА 16. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ САД.

ШАШКОВСКИЕ и ГЛЕБ поставлены у колонн Итальянского грота. Напротив них – конвойные с винтовками на прицеле. РЯБОЙ стоит напротив Глеба. Рядом – КОМАНДИР.

ГЕНЕРАЛ ШАШКОВСКИЙ (сыну). *Красиво умираем, мой мальчик!*

МИХАИЛ ШАШКОВСКИЙ. *Да, прямо картинно.*

ГЛЕБ. *Этот грот, между прочим, сделан из обломков домов, разрушенных полчищами Наполеона.*

ГЕНЕРАЛ ШАШКОВСКИЙ. *Новые варвары пришли на Москву. По сравнению с ними Наполеон – птенец.*

КОМАНДИР (обращаясь к приговорённым). *Наговорились, офицера? Пора и честь знать.*

(Солдатам.)

Пли!!!

Раздаются три выстрела – приговорённые падают. Камера показывает разрушенный и обезображенный Кремль. Звучит закадровый голос ЕПИСКОПА НЕСТОРА:

С 27-го октября по 3-е ноября 1917-го года первопрестольная Москва пережила свою Страстную седмицу и в течение семи суток разстреливалась артиллерийским, бомбомётным, пулемётным, ружейным огнём. Третьего числа всё было закончено. Через неделю вдоль Кремлёвской стены вырыли две ямы: там без отпевания хоронили красных.

СЦЕНА 17. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ. 10-е ноября 1917-го года.

Могилы красногвардейцев у кремлёвской стены.

Длинные траншеи вдоль Кремлёвской стены. Одна – от Никольской башни до Сенатской, другая – от Сенатской до Спасской. Внутри они разгорожены досками на отдельные могилы. С двух сторон кучи земли. По бокам стоят красногвардейцы и солдаты с винтовками наперевес. Вся Красная площадь заполнена народом. В основном – мужчины с непокрытыми головами, лица каменные. Женщин мало. Везде красные знамена и транспаранты. Камера останавливается на одном из них: «Павшимъ Борцамъ за Соціальную революцію в борьбе с БУРЖУАЗІЕЙ». Звучит многоголосый хор:

*Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу,
Вы отдали всё, что могли, за него,
За жизнь, его честь и свободу...*

Через Иверские ворота к траншеям движется похоронная процессия: рабочие, солдаты, матросы по 4-5 человек натужно несут гробы, обитые красной материей. Раздаётся истошный БАБИЙ ВОПЛЬ:

Папка! Как же ты, Папка?

СЦЕНА 18. ХРАМ «БОЛЬШОЕ ВОЗНЕСЕНИЕ» У НИКИТСКИХ ВОРОТ.

Через три дня – полдень 13-го ноября 1917-го года.

Весь храм заставлен рядами открытых гробов. Несколько закрытых. Пять детских гробиков. Много цветов, еловых веток, венков. Камера крупно показывает один из них с надписью: «Жертвам народного безумия». Весь храм заполнен. Большое количество женщин разных возрастов и социальных уровней: видны платки, шляпки, косынки сестёр милосердия. Среди женщин – АННА, ВАРВАРА, ТАЛОЧКА, АГАФЬЯ, СОФЬЯ. У Царских Врат – ПАТРИАРХ ТИХОН, члены Поместного собора. Среди них – ЕПИСКОП НЕСТОР, ОТЕЦ ПЁТР. Заканчивается панихида.

Храм Вознесения Господня в Сторожах («Большое Вознесение»).

ДИАКОН (густым басом возглашает). *Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, усопшим рабам Твоим воину Афанасию, рабе Божьей Клавдии, воину Сергию, воину Виктору, воину Леониду, рабу Божьему Михаилу, отроку Павлу, воину Глебу...*

Камера показывает отца Петра, закрывшего лицо ладонью.

СЦЕНА 19. СПАЛЬНЯ В КВАРТИРЕ ОТЦА ПЕТРА. Вечер того же дня.

Спальня освещена только лампадой. ОТЕЦ ПЁТР в подряснике стоит на коленях перед иконами и молится. Лицо в слезах. Потом тяжело встаёт, идёт за ширму, переодевается в

ночную рубашку, ложится на кровать, закрывает глаза. Ему снится сон, который можно принять за явь. Отец Пётр открывает глаза и видит ПАВЛИКА в белой одежде. Павлик улыбается, идёт к отцу. Отец Пётр вскакивает, протягивает руки к сыну.

ОТЕЦ ПЁТР. *Павлик! Мальчик мой!*

Павлик вплотную подходит к отцу и опускает голову на его протянутые руки.

ПАВЛИК. *Батюшка, не горюйте! Мы все спасёмся! Только возьмите голову.*

ОТЕЦ ПЁТР. *Что?*

Тело Павлика исчезает, в руках отца Петра остаётся только голова. Он вздрагивает, и голова падает на ковёр. Отец Пётр нагибается, поднимает её. Распрямляется, держа голову на вытянутых руках. Только тут он замечает, что это – ДРУГАЯ ГОЛОВА. Она обрамлена серебряными волосами и бородой, лицо едва различимо, но отчётливо видно сияние вокруг. Отец Пётр замирает и слышит голос:

Пётр, возьми мою голову, спрячь её, храни, спаси. Теперь это – твой крест.

Голова исчезает. Отец Пётр вытирает рукавом выступивший на лбу пот, подходит к иконам, крестится.

ОТЕЦ ПЁТР. *Господи, вразуми меня, грешного.*

Траурная процессия с гробами юнкеров от храма Большое Вознесение через всю Москву направляется на Братское кладбище.

СЦЕНА 20. ГОСТИНАЯ В КВАРТИРЕ ОТЦА ПЕТРА.

Через день – 15-е ноября 1917-го года.

В гостиной за чаем сидят ОТЕЦ ПЁТР, ФЁДОР, ВАРВАРА, ЕПИСКОП НЕСТОР, СОКОЛОВ, ТАЛОЧКА (в траурном одеянии), СОФЬЯ.

Траурная процессия с гробами юнкеров.

ОТЕЦ ПЁТР (медленно). *Был вчера у Святейшего. Он едет на несколько дней в Сергиеву Лавру, зовёт с собой... А потом советует там и остаться...*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Поезжайте, отец, поезжайте. Хоть как-то отвлекётесь. Да и Святейшему сейчас, как никогда, нужны близкие люди.*

ОТЕЦ ПЁТР. *Да я вот тоже думаю... Не могу я здесь... без них... И сон свой забыть не могу. Голова...*

(Закрывает лицо рукой.)

ВАРВАРА (гладит его по руке). *Не надо, батюшка, не надо... Поезжайте, конечно.*

ОТЕЦ ПЁТР (отрывает руку от лица). *Как это – поезжайте? А ты? Ежели ехать, то уж всем. Там дача стоит пустая, тёплая – всем места хватит.*

ВАРВАРА. *Да, но...*

(Под столом толкает ногой Соколова.)

СОКОЛОВ. *Отец Пётр, я вот что думаю: здесь становится всё опаснее. Начались обыски, аресты, расстрелы. Вваливается всякий сброд, творит что хочет. Предлагаю, если вы, отец Пётр, уедете в Лавру, женщин и Федю отвезти ко мне в Белгород. Матушка будет только рада. Бог даст, до провинции здешнее безобразие ещё не докатилось. А там, глядишь, и наша возьмёт. Не вечно же Господь будет попускать этим большевикам.*

ТАЛОЧКА (жёстко). *Я никуда из Москвы не поеду.*

СОФЬЯ. *Я тоже. Вернее, поеду, но на Дон. Там – генерал Каледин. Я служила в его корпусе. Он и сюда присылал своего представителя, предлагал казаков. Если бы здешние мямли не разнюнились, то казаки давно бы очистили Москву.*

СОКОЛОВ. *Пустые иллюзии! Казаки уже предали Императора в феврале. И нас предадут... А на Дон и я думаю направиться после Белгорода. Говорил один офицер, что туда выехал из Петрограда генерал Алексеев и собирает людей. Вот это уже серьёзно.*
СОФЬЯ. *А что, генерал Алексеев не предал Императора?*

Раздается звонок в дверь. Слышатся тяжёлые шаги АГАФЬИ.

Похороны юнкеров на Братском кладбище.

СЦЕНА 21. ПРИХОЖАЯ В КВАРТИРЕ ОТЦА ПЕТРА

АГАФЬЯ открывает дверь. Входит ИГНАТ в грязной рабочей одежде.

АГАФЬЯ (всплёскивает руками). *Ой, батюшки! А я уж тебя, кавалер, было похоронила... А не то, думаю, сбежал...*

ИГНАТ (закручивая усы). *Здравия желаю, тётька! Тут мы, в полном наличии присутствуем.*

АГАФЬЯ (осматривая Игната). *Экой ты драный да грязный! Ну проходи.*

ИГНАТ. *Это – ничаво, хорошего коня и под рогожкой видать. А про грязь я тебе так скажу, тётька: с чистоты не воскреснешь, с погани не треснешь.*

АГАФЬЯ. *Ишь, говорун. Как же ты, такой спорый, Глебчика-то нашего не уберёг?*
(Утирает рукавом глаза.)

А всё шуткуешь...

ИГНАТ. *Это – да...*

(Указывает на дверь гостиной, из-за которой слышатся голоса.)

Там кто есть?

АГАФЬЯ. *Да, почитай, все... Кто остался... Цельный синод заседает. Прходи.*

ИГНАТ. *Не... Сама говоришь – грязный. Мне б с отцом Петром перемолвиться. Позови.*

Агафья идёт к гостиной. Игнат шарит по карманам, вытаскивает замызганную бумажку. Из гостиной выходит ОТЕЦ ПЁТР. Агафья отходит в сторону, подслушивает.

ОТЕЦ ПЁТР (крестит Игната). *Игнатушка!..*

ИГНАТ. *Отец Пётр... Вот оно какое дело... То ишь... Ладно, чаво у ж тут...*

Протягивает отцу Петру бумажку, тот подносит её к глазам.

ОТЕЦ ПЁТР (читает). *«Апостол Павел писал: “Нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем”».*

(Пауза.)

О, Господи!.. Почерк!..

Роняет бумажку и начинает медленно опускаться на пол. Игнат его подхватывает и кричит подслушивающей Агафье.

ИГНАТ. *Тётенька! Выходи, подмогай!*

СЦЕНА 22. ГОСТИНАЯ В КВАРТИРЕ ОТЦА ПЕТРА.

Камера скользит по стенам гостиной. Останавливается на оправленном в рамку фрагменте фрески, изображающей Ноев ковчег. За столом сидят ЕПИСКОП НЕСТОР, ФЁДОР, ВАРВАРА, СОКОЛОВ, ТАЛОЧКА, СОФЬЯ. ИГНАТ пьёт чай из блюдечка, держа его на трех пальцах. ОТЕЦ ПЁТР сидит на диване. У дверей стоит АГАФЬЯ.

ИГНАТ (ставя блюдечко на стол). *Стало быть, оно во как вышло... Я за деревцем спрятался и глядел. Солдатик тот, самокатчик, пожалел их благородие и стрéльнул прямо в больную, перевязанную руку. Глеб Петрович, ясно дело, память-то и потерял. Солдатик вызвался схоронить, лопаты добыть. Все ушли. А тут – я. Смотрим – дышит. Извозчика я разыскал, погрузили. Погнали ко мне – в Петрову академию, на конюшни.*

Берёт блюдечко с чаем, подносит к губам, морщится и снова ставит на стол. Поворачивается к Агафье.

ИГНАТ (Агафье). *Тётенька, окромя чайку у тя ничё не сыщется?*

АГАФЬЯ. *Не сыщется ему... Сокол ясный... Ты давай рассказывай!*

(Выходит и возвращается со стаканом наливки, со стуком ставит перед Игнатом.)

На уж!

Игнат залпом выпивает стакан, крикает, вытирает усы.

ИГНАТ. *Это – да... Чё рассказывать? Ну, разместили мы его...*

ТАЛОЧКА. *Что, прямо с лошадьми?*

СОКОЛОВ (смеётся). *Только что за упокой пели, а теперь о комфорте печёмся.*

ТАЛОЧКА. *Перестань, Костя.*

(Игнату.)

Говори, Игнат, говори.

ИГНАТ. *Почему с лошадьми? В конюхской комнате. Полати там есть. Всё как следывает. Культурно. Вот их благородие и оклемались маненько. Дохтур его наш выходил.*

ТАЛОЧКА. *Коновал?*

Соколов снова смеётся.

ИГНАТ. *Почему коновал? Ветелинар! Он такой дохтур, что иных человеческих за пояс засунет. Скольких лошадок на ноги поставил.*

ОТЕЦ ПЁТР. *Что же вы раньше-то не сообщили?*

ИГНАТ. *Опасались. Ходил я в Москву поглядеть, что и как. Эти с красными повязками везде шныряют. Мне чё – мне ничаво. А их благородие сразу видать. И вы... Коль придут эти – должны горевать: вот, мол, убили, горюем...*

АГАФЬЯ. *А то у нас горя мало!*

Громкий стук в дверь. Все вздрагивают. Агафья поворачивается к дверям.

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Погоди, сестра, я открою.*

Похороны юнкеров на Братском кладбище.

СЦЕНА 23. ПРИХОЖАЯ В КВАРТИРЕ ОТЦА ПЕТРА.

ЕПИСКОП НЕСТОР открывает дверь, и в неё входят ЧЕТЫРЕ МАТРОСА.

ЕПИСКОП НЕСТОР (загораживая вход). *В чём дело, братья?*

1-й МАТРОС пытается плечом отодвинуть епископа, но тот стоит, как скала. Матрос внимает из кармана бумагу и суёт её под нос епископу.

1-й МАТРОС. *Ордер Совета Городского района на обыск и арест, коль понадобится.*

ЕПИСКОП НЕСТОР (продолжая стоять в дверях, читает бумагу). *Я повторяю свой вопрос: в чём дело? Тут ничего не прописано о причинах обыска и ареста. В доме траур, а вы врываетесь со своими ордерами.*

2-й МАТРОС. *Понятно дело – траур. По контрреволюции!*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Не по контрреволюции, как вы говорите, а по маленькому мальчику, случайно убиенному на улице в эти дни.*

3-й МАТРОС. *Офицеръё ищем.*

1-й МАТРОС. *Есть сведения, что оно у вас прячется. Пусту!*

Отодвигает епископа Нестора, и матросы направляются к гостиной.

СЦЕНА 24. МОСКВА. ГОСТИНАЯ В КВАРТИРЕ ОТЦА ПЕТРА.

Камера снова показывает фреску Ноева ковчега. В комнате все разбились на пары. За столом ВАРВАРА и СОФЬЯ о чём-то шепчутся. ТАЛОЧКА расспрашивает ИГНАТА. СОКОЛОВ в углу разговаривает с ФЁДОРОМ, тихонько передает ему свой револьвер. АГАФЬЯ протягивает таблетки и стакан с водой ОТЦУ ПЕТРУ, сидящему на диване. Распахивается дверь, входят МАТРОСЫ, за ними – ЕПИСКОП НЕСТОР.

1-й МАТРОС (очень громко). *Всем предъявить документики!*

АГАФЬЯ. *Ты чего расшумелся, ирод? Батюшке вон плохо стало, а ты орешь как труба ерихонская.*

1-й МАТРОС. *Разговорчики! Именем революции! Докúменты!*

Фёдор встаёт и направляется к двери. 2-Й МАТРОС преграждает ему путь.

ФЁДОР. Так ведь, чтоб предъявить документы, их принести надо. Они у меня в комнате. И у многих других – тоже не здесь.

ВАРВАРА (на ухо Софье). Соня, пойдём со мной. Тебе никак нельзя показывать офицерское свидетельство – арестуют. А так, у меня... может, про барышень и забудут.

1-й МАТРОС. Ладно, идите.

Фёдор, Варвара, Софья, Агафья, епископ Нестор выходят.

1-й МАТРОС (другим матросам). *Последите за ними и поищите, может, чего есть.*

4-й МАТРОС (нехотя открывая створки буфета). *Чё тут искать? И так видать: не больно богато живут.*

ОТЕЦ ПЁТР. *Я служу Богу, а не мамоне.*

2-й МАТРОС. *А нам – хоть мамане, хоть папане. Нам – контрреволюцию подавай!*

Фёдор, Агафья, епископ Нестор постепенно возвращаются. Матросы проверяют документы.

3-й МАТРОС (читает документы Соколова и передает их 1-му матросу). *А вот она, контра, тут и есть!*

1-й МАТРОС (просмотрев бумаги, обращается к Соколову). *Тю! Ваше благородие! Небось, стрелял в нас давеча?*

Соколов стоит, заложив руки за спину, молчит. В гостиную тихо входит Варвара.

1-й МАТРОС. *Стрелял, тебя спрашивают?*

СОКОЛОВ. *Не считаю, что вы вправе учинять мне допрос.*

1-й МАТРОС. *Я те, падла, щас покажу моё право!*

Выхватывает наган и направляет на Соколова, которого хватают за руки другие матросы.

СОКОЛОВ. *Не трогать! Сам пойду!*

Соколов высвобождает руки и направляется к двери.

СОКОЛОВ (обращается к епископу Нестору и отцу Петру). *Владыка, отец Пётр помолитесь за раба Божьего Константина.*

Владыка и отец Пётр благословляют его.

СОКОЛОВ (Варваре, по щекам которой текут слёзы). *Не горюйте, Варвара Петровна! Я люблю вас!*

Варвара рыдает. Матросы уводят Соколова. 1-й матрос возвращается.

1-й МАТРОС. *Надо бы ещё кой-кого из вашей братии прихватить, да некогда. Главную падлу взяли. Но мы ещё воротимся! Колокольных дворян пощупаем! Отожрали морды на народных хлебах!..*

1-й матрос уходит, оглушительно хлопая дверью.

СЦЕНА 25. ЗДАНИЕ МОССОВЕТА НА ТВЕРСКОЙ УЛИЦЕ.

В большом зале у окна стоят ВОЛКОВ и АННА. Волков одет как прежде, Анна – в кожаной куртке. Неподалёку АСТРОНОМ разговаривает со студентом МАРКОМ ЛЕВИЦКИМ. Вокруг ходят люди.

АННА. *Егор, только что приходила сестра Варя. Плачет. У нас дома матросы арестовали Костю Соколова. Ты его видел.*

ВОЛКОВ. *Как же! Офицер! Я его предупреждал: придёт петух с косой. Вот он и пришёл.*

АННА. *Ну, нравится ли тебе Костя либо нет, но арестовали его ни за что, просто так. Ничего компрометирующего не нашли.*

В это время Астроном прощается с Левицким и начинает прислушиваться к разговору Волкова и Анны.

ВОЛКОВ. *После того, что они натворили в Москве, сами погоны их компрометируют.*

АННА. *Так же нельзя! Просто хватать людей без всякого доказательства вины!*

ВОЛКОВ. *Те, которых мы хоронили у Кремлёвской стены, и есть самое веское доказательства вины таких, как твой Соколов.*

АННА. *Он вовсе не мой! Но Костя – честный человек.*

ВОЛКОВ. *Такие честные, в нас и палили. Давай, Анна, закончим этот разговор. С офицером разберутся без нас.*

К ним подходит Астроном.

АСТРОНОМ. *Прошу прощения, что вмешиваюсь в вашу беседу, которую совершенно непреднамеренно подслушал.*

(Обращается к Анне.)

Я так понял, что задержали офицера, вашего знакомого?

(Анна кивает.)

Думаю, это дело можно уладить. Давайте я сам поговорю с ним. Товарищ Волков, распорядитесь, чтобы офицера препроводили в мой кабинет.

Астроном быстро уходит.

АННА. *Кто это? Какой странный человек!*

ВОЛКОВ. *Отчего же странный? Это – товарищ Млечин, старый революционер, он прислан к нам самим товарищем Лениным. Ну, пойду за твоим офицером.*

Волков уходит.

Скобелевская площадь, справа – здание Моссовета.

СЦЕНА 26. КАБИНЕТ АСТРОНОМА В МОССОВЕТЕ.

В кабинете за столом сидит АСТРОНОМ, что-то пишет. Дверь распахивается, МАТРОСЫ вводят СОКОЛОВА, передают его документы Астроному.

АСТРОНОМ (матросам). *Можете идти.*

1-й МАТРОС (указывая на Соколова). *А этого, что ли, оставить?*

АСТРОНОМ (слегка повышая голос). *Я сказал: свободны! И никого ко мне не пускать пока я не распоряжусь.*

Матросы, недовольно бурча, уходят.

АСТРОНОМ (Соколову, указывая на стул напротив себя). *Присаживайтесь.*

Соколов садится. Астроном продолжает писать. Несколько раз поднимает голову и пронзительно смотрит на Соколова. Потом берёт документы и долго их разсматривает. Наконец, прерывает молчание.

АСТРОНОМ. *Ротмистр Соколов?*

СОКОЛОВ. *Трудно задать более нелепый вопрос, притом что у вас в руках мои документы.*

АСТРОНОМ. *Не советую так со мной разговаривать, Константин Владимирович, я ведь не матросик из Кронштадта. Да и не враг я вам. Хотя бы потому, что за вас ходатайствовала одна прекрасная барышня.*

СОКОЛОВ. *Я не нуждаюсь ни в чьих ходатайствах. В чём меня обвиняют?*

АСТРОНОМ. *До этого мы, может быть, ещё дойдём... А может, и не дойдём... Для начала я просто хотел бы с вами поговорить.*

СОКОЛОВ. *У нас нет общих тем.*

Астроном устремляет на Соколова змеиный взгляд. Тот несколько раз моргает и протирает глаза ладонью.

СЦЕНА 27. СКОБЕЛЕВСКАЯ ПЛОЩАДЬ ОКОЛО МОССОВЕТА.

На мостовой снежная грязь. У дверей Моссовета стоят часовые. Неподдалёку переминаются с ноги на ногу ИГНАТ (в замызганном пальтишке) и ВАРВАРА (в короткой шубке).

ИГНАТ. *Замёрзли совсем, барышня. Поехали лучше до дому.*

ВАРВАРА. *Вы поезжайте, Игнат, а я ещё подожду.*

ИГНАТ. *Чего ждать-поджидать-то?*

ВАРВАРА. *Аня обещала, что похлопочет за Константина Владимировича.*

ИГНАТ. *Обещанного три года ждут.*

ВАРВАРА. *Вот я и буду ждать хоть три года.*

ИГНАТ. *Ну, барышня, вас не переупрямишь. Подите хоть к возчику, там всё теплее.*

ВАРВАРА. *Нет, я здесь...*

(Смотрит на окна Моссовета.)

Ох, что там сейчас с Константином Владимировичем происходит?..

СЦЕНА 28. КАБИНЕТ АСТРОНОМА В МОССОВЕТЕ.

АСТРОНОМ (продолжает разговор с Соколовым). *Ошибаетесь, батенька, ошибаетесь. Очень даже и есть у нас с вами общие темы. Например, страна, народ.*

СОКОЛОВ (недоуменно молчит, потом говорит после паузы). *К сожалению, да – страна и народ у нас одни. Но о чём тут мне с вами говорить? В моей стране завелись такие, как вы, которые её разрушают, губят народ.*

АСТРОНОМ. *Полноте! Вы же, видно, неглупый человек. Вы же не можете не знать, что гибель страны началась не сейчас, не в октябре. Что нужно народу? Авторитетная и справедливая власть, которая обеспечила бы ему нормальное существование. Была такая власть?*

СОКОЛОВ. *Была монархия, которую вы уничтожили.*

АСТРОНОМ. *Ерунда! Вы монархист? Так кто же уничтожил монархию? Большевики, которые сидели по заграницам или по тюрьмам, как, например, я? Или же ваши генералы, хором выступившие за отречение? И кто принял это отречение? Большевики? Эсеры? Анархисты? Нет! Даже не кадеты! Исключительно правые – монархист Шульгин и октябрист Гучков.*

СОКОЛОВ. *Чего вы от меня хотите?*

АСТРОНОМ. *Я же сказал – поговорить. Ну ладно, взяли власть. Так что они с ней сделали? Одурели от своего либерализма! Только в совершенно безмозглую голову могла прийти мысль назвать себя «Временным правительством». Кто же будет верить временищам? Временная власть – не власть.*

СОКОЛОВ. *А вы – власть?*

Дверь открывается и без стука вваливается 1-й МАТРОС.

1-й МАТРОС. *Эта... Ну, товарищ Млечин, ну, мы забираем этого гада. Вы наговорились, небось.*

Астроном резко встаёт из-за стола, идёт к двери.

АСТРОНОМ (через плечо бросает Соколову). *Подождите!*

(Выходя в дверь – 1-му матросу.)

За мной!

Астроном выходит. Соколов сидит, обхватив голову руками. Из-за двери слышен голос Астронома.

АСТРОНОМ (громкие выкрики из-за двери). *Как вы смеете? Анархия! Знаете ли вы, с кем говорите? Распоясались! Понимаете ли, кто стоит перед вами? Революционный трибунал! Здесь вам не кронштадтская вольница! Сменить караул!*

СЦЕНА 29. СКОБЕЛЕВСКАЯ ПЛОЩАДЬ ОКОЛО МОССОВЕТА.

Очень холодно. **ВАРВАРА** подпрыгивает, **ИГНАТ** хлопает по туловищу руками. К ним подходит **ЧАСОВОЙ**.

ЧАСОВОЙ. *Вы чё тута распрыгались да расхлопались? Кто такие? Документы!*

ИГНАТ. *Я – рабочий класс! Меня ослобонили! Где мне нравится, там я и хлопаюсь.*

ЧАСОВОЙ. *Ладно, с тобой, дед, всё понятно.*

(Указывает на Варвару.)

А это хто? Буржуазия?

ИГНАТ. *Ишь, словцо какое заучил! Башковитый больно! Тебя тут зачем поставили? Власть беречь, а не к людям приставать. Взяли моду со стариками да с барышнями воевать. Шёл бы на фронт к германцу, он те покажет документ!*

2-й ЧАСОВОЙ (кричит от дверей, смеясь). *Оставь его, Мотька! Этот старый хрен всё одно тебя перелает. Вишь, какой языкастый!*

1-й часовой смачно сплёвывает на землю, отходит к дверям.

ИГНАТ (вслед ему презрительно). *Сопля голанская!*

СЦЕНА 30. КАБИНЕТ АСТРОНОМА В МОССОВЕТЕ.

Ю.И. Селивёрстов.

Графический цикл «О Великом инквизиторе».

Соколов по-прежнему сидит, обхватив голову руками. Возвращается Астроном. Соколов выпрямляется.

АСТРОНОМ (внимательно оглядывая Соколова). *О чём, бишь, мы говорили? А, да, о власти. Так вот... Мы – партия, которая понимает, что народ хотел получить ощущение свободы. Его дал Февраль. Но этого мало, жизненно необходимо найти такую власть,*

которой можно обрётённую свободу вручить. Власть эта должна быть бесспорной, чтобы все люди разом согласились её принять. Если не все, то большинство.

(Улыбается змеиной улыбкой.)

Оттого-то мы и большевики. С начала веков мучением каждого человека единолично и всего человечества в целом был поиск общих идеалов.

СОКОЛОВ. Идеалы дал Иисус Христос.

АСТРОНОМ. Может быть, может быть... Но только для христиан. А все другие? Да и епархия, так сказать, вашего Иисуса Христа находится на небе. А на земле нужна земная власть, которая обезпечила бы общность идеалов, на которых можно построить новое общественное здание.

СОКОЛОВ (после некоторой паузы). И вы, устроившие переворот всего несколько недель назад, видите себя такой властью?

АСТРОНОМ. Да, видим! Большевики на сегодняшний день – единственная сила, которая может спасти страну, объединить народ, создать авторитетную и справедливую власть. Именно об этом всегда мечтали и мечтают люди!

СОКОЛОВ. Власть террора.

АСТРОНОМ. Если бы я представлял здесь власть террора, то вас давно бы разстреляли.

СОКОЛОВ. Зачем вы всё это мне говорите?

АСТРОНОМ. А затем, что не разстреливать мы пришли, а спасти Россию. Нам не враги нужны, а соратники. Нам нужно русское кадровое офицерство, такие, как вы, чтобы бороться с врагами настоящими: анархией, немцами, а там, глядишь, и с бывшими союзниками.

СОКОЛОВ. Кадровое офицерство за вами не пойдёт.

Дверь открывается: входят ротмистр КОВАЛЕНКО, брат Талочки, и его приятель полковник ПОЛЯКОВ. Коваленко и Соколов недоуменно смотрят друг на друга. Астроном ухмыляется.

АСТРОНОМ (выходя из-за стола и пожимая офицерам руки). Здравствуйте, Евгений Иванович! Здравствуйте, Андрей Васильевич! Подождите минуту в коридоре, мы уже заканчиваем.

(Поляков и Коваленко выходят. Астроном расхаживает по кабинету.)

Вот так, Константин Владимирович, вот так... Кадровое офицерство, как видите, уже идёт к нам. А то ли ещё будет! Вы думаете, случайно прославленный генерал Брусилев – «генерал-прорыв» – отказался возглавить ваше возмущение против нас? Ничуть не сомневаюсь, совсем скоро он будет наш. И вы будете наш... Ну что ж, товарищ ротмистр, идите пока с миром. Я выпишу вам пропуск.

Астроном садится за стол, пишет. Потом ещё раз пронзительно смотрит в глаза Соколову и передаёт ему бумагу. Тот тяжело поднимается и, не прощаясь, выходит.

СЦЕНА 31. СКОБЕЛЕВСКАЯ ПЛОЩАДЬ ОКОЛО МОССОВЕТА.

СОКОЛОВ выходит из здания, осматривается, замечает ИГНАТА и ВАРВАРУ, направляется к ним. Варвара бежит ему навстречу.

ВАРВАРА. Костя!.. Константин Владимирович!

Соколов подхватывает её и кружит. Игнат громко кашляет.

ИГНАТ. Ваше благородие, опосля марьяжить будете. Возчик заждался. Поехали!

Соколов ставит Варвару на землю.

СОКОЛОВ. *Игнат, отвези меня в свои конюшни, хочу Глеба повидать.*

ИГНАТ. *А барышня? Велено её домой доставить.*

ВАРВАРА. *Я с вами, я Глеба сто лет не видела.*

ИГНАТ. *Ну, с нами, так с нами. Там, чай, не монастырь.*

Идут вниз по Тверской.

СЦЕНА 32. КОННЫЙ ДВОР МОСКОВСКОГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ИНСТИТУТА.

Длинная комната. По стенам – полаты, на них набросано сено, сверху – тюфяки. В углу у двери – печка. В противоположном от двери конце комнаты – окно, рядом – большой некрашенный стол с керосиновой лампой, табуретки. В углу икона Спаса. На одном из тюфяков лежит ВАРВАРА. За столом сидят СОКОЛОВ и ГЛЕБ (в одной белой рубашке, рука перевязана). Тихо разговаривают. Входит ИГНАТ, ставит на стол миску с солёными огурцами. Из кармана достаёт два стакана, протирает их какой-то тряпочкой. Из другого кармана вытаскивает пузырёк тёмного стекла с мерной шкалой.

**Конный двор
Московского сельскохозяйственного института (Петровская академия) .**

ИГНАТ. *Вот вам и угощеньице.*

(Указывает на Глеба.)

Их благородию – на поправку.

(Соколову.)

А вашему благородию – с испугу.

Глеб и Соколов смеются. Соколов открывает пузырёк, нюхает.

СОКОЛОВ. *Это же чистый спирт!*

ИГНАТ. *Да, крепонькое винцо.*

ГЛЕБ. *Как ты, Игнат, умудряешься всё доставать!*

ИГНАТ. *Это – да... Винцо я у учёных людей позаимствовал. У них для опытов всяких берегается.*

СОКОЛОВ. *Ты, я вижу, опыт на себе уже произвёл.*

ИГНАТ. *Не, только маненько пригубил – попробовать, чем вас угощать стану. А огурчики – тутошние, петровские. Тётенька одна обеспечила. Хорошая тётенька!*

ГЛЕБ (смеётся). *У тебя, Игнат, везде по тётеньке.*

ИГНАТ. *Это – да... А тут вот и для барышни гостинец.*

Достает из кармана свёрточек в тряпочке, разворачивает и вынимает пряник. Поворачивается к Варваре.

ГЛЕБ (прижимает палец к губам). *Тихо, Варя, кажется, уснула.*

ИГНАТ. *Пущай поспит. Ясно дело. Издёргалась вся.*

Кладёт пряник на стол, а тряпочку аккуратно складывает и прячет в карман.

ИГНАТ. *Потом дадите. Тоже от тётеньки.*

Соколов разливает спирт.

СОКОЛОВ. *Игнат, а себе стакан?*

ИГНАТ. *Не, благодарствуем. Мы попостимся.*

СОКОЛОВ. *Во как!*

ИГНАТ. *Тут такое дело: в город мне надо. Я давеча совсем запамятовал вещички их благородию прихватить из дому. Ить мундир-то после всего уж вовсе никуда не годится. Да и неча в нём щеголять сичас. Я мигом на тележке слётаю. А вы тут пока винцом угощайтесь.*

Игнат уходит.

Московский сельскохозяйственный институт (Петровская академия).

СЦЕНА 33. МОСКВА. ДМИТРОВСКОЕ ШОССЕ.

По дороге тарыхтит телега. ИГНАТ правит лошадыю. На телеге, свесив ноги, сидят ЕПИСКОП НЕСТОР, ОТЕЦ ПЁТР, ФЁДОР.

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Игнатушка, долго ещё? Аж все внутренности растрясло.*

ИГНАТ (бурчит). *Сами вызвались. Я упреждал...*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Да я не мыслил, что так далёко... Я и не бывал никогда в этих местах. Подобно деревне.*

ОТЕЦ ПЁТР. *А мы с Федей бывали, когда я занимался Достоевским, «Бесами». Ездил смотреть тот самый грот, в котором нечаевцы студента Иванова убили.*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Как ты, отец Пётр, всё знаешь... Науки премудрость!*

ФЁДОР. *Да, я помню этот грот. Так страшно было!*

ИГНАТ. *Потерпите ишишо малость. Почитай, уже приехали. Сичас в Старадамов тупик свернём и – на месте.*

СЦЕНА 34. КОННЫЙ ДВОР.

За столом по-прежнему разговаривают СОКОЛОВ и ГЛЕБ. ВАРВАРА проснулась, сидит на полатах с игнатовым пряником в руках, прислушивается к разговору. Входят ЕПИСКОП НЕСТОР, ОТЕЦ ПЁТР, ФЁДОР, ИГНАТ. Соколов и Глеб встают. Фёдор бросается к Глебу, обнимает его.

ФЁДОР. *Братик!*

Епископ Нестор, отец Пётр крестятся на икону. Отец Пётр подходит к Глебу, крестит его, гладит по волосам.

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Мир дому сему. На ковчег у вас тут похоже.*

ОТЕЦ ПЁТР. *Да... И мы здесь собрались – каждой твари по паре.*

ЕПИСКОП НЕСТОР (подходит к Варваре, благословляет). *Только Варварушке пары женского пола нет.*

ИГНАТ (от двери). *Надо было ишишо тётеньку, Агафью Лукинишину, прихватить.*
(Смеётся.)

Да больно тяжела – лошадка не выдержит.

Все смеются. Игнат уходит. Фёдор подсаживается к Варваре. Та отламывает половину пряника, протягивает Фёдору. Епископ Нестор, отец Пётр, Соколов, Глеб садятся за стол.

ЕПИСКОП НЕСТОР (Соколову). *Ну докладывай, ротмистр, что там с тобойстряслось. А то Игнат таких страстей понаразсказал...*

СОКОЛОВ. *Я вот Глебу битый час уже говорю, а он слушать не хочет.*

ГЛЕБ. *Я слушал тебя внимательно, только...*

ОТЕЦ ПЁТР. *Теперь нам расскажите.*

СОКОЛОВ. *Там, конечно, Аня похлопотала... И привели меня к какому-то Млечину. Не знаю, кто он там у них, но, судя по всему, кто-то из главных. Совсем не похож на этих с красными повязками. Не нахальный, разсудительный, логика железная... Странный, конечно, немного...*

ОТЕЦ ПЁТР. *А что странного?*

СОКОЛОВ. *Вот Глеб всё время пристаёт со взглядом... Действительно, взгляд у него какой-то змеиный, когда смотрит в глаза, выдержать невозможно. Даже когда и не в глаза, ощущение – будто шашкой рубанули.*

ГЛЕБ. *Чёрный полковник!*

СОКОЛОВ. *Опять ты за своё! Дело же не в том, как он смотрел, а в том, что он говорил...*

Берётся за стакан со спиртом.

ЕПИСКОП НЕСТОР (накрывая стакан ладонью). *Погоди, погоди, ротмистр. Ты сперва расскажи, что же он такое говорил.*

СОКОЛОВ (возвращая стакан на стол). *Он много толковых, справедливых вещей говорил. И про губительное безвластие, царящее у нас, и про то, что Императора предали, и про идиотское Временное правительство.*

Входит Игнат и пристраивается в углу у двери.

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Ну, это всё, мы и без него знаем.*

СОКОЛОВ. *Главная его мысль была про то, что народу нужна как свобода, так и власть, которой можно было бы эту свободу перепоручить. Власть, которую согласилось бы принять большинство людей. Разве неправильно?*

ОТЕЦ ПЁТР. *Что-то знакомое... А не так ли оно звучало: «Нет заботы непрерывнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, пред кем преклониться...»?*

СЦЕНА 35. СЕВИЛЬСКАЯ ТЮРЬМА. XVI ВЕК.

Ю.И. Селивёрстов. Графический цикл «О Великом инквизиторе».

Ночь. Тесное, мрачное, со сводчатыми потолками помещение тюрьмы разгорожено решёткой на две части. В одной части за решёткой угадывается светлый, но едва различимый СИЛУЭТ. В другой части – железная дверь, стол, на нём – тусклый светильник. От двери к столу и обратно прохаживается КАРДИНАЛ (играет тот же актёр, что и АСТРОНОМА, но в другом гриме). Это старик в грубой монашеской рясе, высокий и прямой, с иссохшим лицом, седыми густыми бровями, со впалыми глазами, из которых светится зловещий огонь.

АСТРОНОМ-КАРДИНАЛ (обращаясь к Силуэту). *Это Ты? Ты?... Не отвечай, молчи. Да и что бы Ты мог сказать? Не Ты ли так часто тогда говорил: «Хочу сделать вас свободными». Но вот Ты теперь увидел этих «свободных» людей... Много веков мучились мы с этой свободой, но теперь это кончено, и кончено крепко. Теперь и именно ныне эти люди уверены более чем когда-нибудь, что свободны вполне, а между тем сами же они принесли нам свободу свою и покорно положили ее к ногам нашим. Но это сделали мы, а того ль Ты желал, такой ли свободы?..*

Усмехается, в глазах вспыхивает злобный огонь. Потом бросает взгляд на светлый Силуэт за решёткой, вздрагивает, опускает голову и смотрит в пол.

СЦЕНА 36. КОННЫЙ ДВОР.

СОКОЛОВ. *Да, приблизительно так этот Млечин говорил... Как вы смогли угадать?.. И он делал вывод, что власть сейчас у большевиков – реальная власть. И они хотят спасти страну, народ, дать общие идеалы. А если это – правда?*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Отчитывать тебя надо, ротмистр, как бесноватого! На колени!!!*

ОТЕЦ ПЁТР. *Погодите, владыка...*

(Соколову.)

Вы спросили, Константин, как я угадал? А тут и угадывать нечего. Я просто хорошо помню Великого инквизитора из «Братьев Карамазовых», диссертацию по ним писал. Так вот, вся речь вашего большевика – это мысли Инквизитора. Ну, конечно, приспособленные к восприятию русского офицера 17-го года. Только имейте в виду, что Великий инквизитор у Достоевского – верный слуга Дьявола, если не сам Дьявол.

СОКОЛОВ. *Это – лишь литературные аналогии. Мысли-то он верные высказывал...*

ЕПИСКОП НЕСТОР (почти кричит). *Как верные? Какие такие «общие идеалы» они собираются дать народу? Без Иисуса Христа?! Святыни Кремля, разрушенные и опоганенные, ты видел? А на этом месте они баашню Вавилонскую построят! Вот они – «общие идеалы»!*

Неосуществлённый проект Дворца Советов в Москве на месте разрушенного храма Христа Спасителя. На вершине – фигура Ленина.

Ю.И. Селивёрстов. Графический цикл «О Великом инквизиторе».

СОКОЛОВ. *Он Христа, в общем-то не отрицал...*

ОТЕЦ ПЁТР. *В некоторых случаях им и не обязательно отрицать, достаточно просто не учитывать. Тогда место Христа непременно займёт Дьявол. Третьего не дано. Так что вы, дорогой Константин, сегодня искушение проходите, серьёзнейшее искушение. Он ведь звал вас в сонм избранных, стоящих над людьми, указующих путь безмозглому стаду.*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *А мы – не безмозглое стадо! Мы – православный народ! Мы погибнем, если будем идти не за Христом, а за «избранными» коноводами!*

ИГНАТ (из своего угла). *Это – да...*

ОТЕЦ ПЁТР. *Так что молитесь, Константин, молитесь, Господь подскажет верное решение. И думайте...*

СОКОЛОВ (берясь за стакан). *Что-то меня совсем сегодня запутали... Сначала – тот... Теперь – вы... Я, в конце концов, гусарский ротмистр, а не политик и не философ-богослов.*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Ежели ты – ротмистр, то не дури, а воюй! За веру православную воюй, за отечество воюй, за царя православного!!!*

СОКОЛОВ. *Где тот царь?*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Где? А то ты не знаешь где? – В Тобольске!*

Соколов залпом выпивает спирт.

КОНЕЦ ТРЕТЬЕЙ СЕРИИ